

Казем-Бек Прасковья Александровна

**Поездка в Германию во время
войны русской сестры
милосердия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П68

П68 **Прасковья Александровна К.**
Поездка в Германию во время войны русской сестры милосердия / Казем-Бек
Прасковья Александровна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 79 с.

ISBN 978-5-519-87695-7

ISBN 978-5-519-87695-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

6) Лица, коимъ поручено надзирать за плѣнными, окажутъ помощь делегаціямъ во всѣхъ отношеніяхъ. Делегаціи имѣютъ право сообщать свои наблюденія лицамъ надзора. Насколько то возможно, делегаціи будутъ сопровождаться въ ихъ посѣщеніи офицеромъ.

7) Средства для передвиженія будутъ представлены делегаціи государствомъ, въ которомъ имѣетъ мѣсто посѣщеніе, прочіе расходы лежатъ на томъ государствѣ, въ интересахъ коего совершается посѣщеніе.

8) Делегаціи представляютъ письменныя доклады о результатахъ ихъ посѣщенія. Эти доклады будутъ посланы по возвращеніи делегаціи русскому Красному Кресту, равно какъ и германскому Красному Кресту черезъ посредство датскаго Краснаго Креста.

9) Посѣщенія начнутся, насколько то возможно, въ одно и то же время въ обоихъ государствахъ, какъ только русскій Красный Крестъ и германскій Красный Крестъ объявятъ о своемъ согласіи съ вышеизложенными положеніями и послѣ того какъ правительство русское и германское изъявятъ свое согласіе.

Иныхъ указаній намъ было дано весьма скудно, да и дѣйствительно, какія возможны были еще указанія,—предоставлялось нашему такту дѣйствовать такъ или иначе во всѣхъ могущихъ возникнуть недоразумѣніяхъ.

Особый Комитетъ при Бюро военноплѣнныхъ снабдилъ насъ опросными листами для статистическихъ и иныхъ свѣдѣній о каждомъ лагерѣ. Главное Управленіе передало намъ нѣкоторыя данныя объ особенно тяжеломъ положеніи военноплѣнныхъ въ тѣхъ или иныхъ лагеряхъ, а многочисленные родственники плѣнныхъ завалили насъ просьбами передать имъ привѣты. Мы добросовѣстно составили алфавитный списокъ всѣхъ плѣнныхъ съ указаніями лагерей, гдѣ они находятся, и только, пріѣхавъ въ указанный лагерь, могли убѣдиться, какъ бесполезна была наша работа—почти всѣ плѣнные успѣли быть переведены въ другія мѣста водворенія, и личныя просьбы и порученія мало гдѣ могли быть нами исполнены.

На станціи Бѣлоостровъ, въ виду осмотра паспортовъ, намъ пришлось пройти на станцію, гдѣ собрались всѣ пассажиры. Благодаря дипломатическимъ паспортамъ, коими мы были снабжены, осмотра нашего багажа удалось избѣжать, но мы должны были всенародно отвѣчать на вопросы о количествѣ имѣющихся при насъ денегъ, а такъ какъ съ нами было около 80-ти тысячъ, везомыхъ для раздачи по лагерямъ военнопленных¹⁾ отъ Краснаго Креста, Комитета Императрицы Александры Θεодоровны и нѣкоторыхъ другихъ учреждений и лицъ, намъ показалось это довольно неумѣстной процедурой, и мы лишний разъ порадовались, что главное Управление Краснаго Креста дало намъ въ видѣ сопровождающаго насъ до Даніи Ф. А. Зворыкина, который въ буквальный смыслъ этого слова, неотлучно состоялъ при нашемъ туго набитомъ портфель.

На другой день, въ солнечное утро мы подъѣзжали къ конечной русской станціи Торнео, гдѣ пришлось провести почти весь день. Эта ничтожная станція, сдѣлавшаяся за послѣдній годъ единственной дверью, соединяющей насъ на сѣверѣ съ Европой,—старается, не безъ нѣкотораго успѣха, вырасти изъ своего ничтожества до довольно значительнаго пункта на картѣ генеральной.

Въ этотъ день, несмотря на общій грустный пейзажъ крайняго сѣвера,—погода намъ улыбалась, и яркое солнце освѣщало остатки желтой листвы и хорошенькіе новые бараки, построенные для приема нашихъ инвалидовъ изъ германскаго плѣна.

Въ Торнео насъ встрѣтилъ уполномоченный Краснаго Креста графъ Шуваловъ и составъ санитарнаго поѣзда № 102, привезшій германскихъ инвалидовъ и ожидающій русскихъ. Вскорѣ прибыли на станцію и нѣмецкія сестры: граф. Исккуль, баронессы Вальслебенъ и Пассау, въ сопровожденіи своихъ датскихъ делегатовъ, которые были также встрѣчены графомъ Шуваловымъ и съ которыми намъ пришлось обмѣняться привѣтствіями. Я замѣтила, что личный багажъ сестеръ былъ несравненно больше того, который мы взяли съ собой, впрочемъ, это могло объясниться необходимостью везти много теплыхъ вещей для путешествія по Сибири. Одинъ изъ датскихъ делегатовъ, между прочимъ, нашелъ нужнымъ поговориться съ нами, не согласимся ли мы на почвѣ взаимности посѣтить рус-

¹⁾ Изъ этой суммы 15 тысячъ предназначалось, впрочемъ, на путевые расходы насъ, трехъ сестеръ, и имѣющихъ сопровождать насъ датскихъ делегатовъ.

скихъ плѣнныхъ не только въ Германіи, но и въ Австріи. Конечно, мы отвѣчали, что можемъ исполнять лишь распоряженія Краснаго Креста и въ личные переговоры по этому вопросу входить не уполномочены.

Скоро насталъ часъ ѣхать въ Гапаранду—пограничную станцію въ Швеціи—и занимать свои мѣста въ вагонахъ. На шведской таможенѣ пришлось продѣлать какія то несложныя формальности—таможенный чиновникъ долго не могъ понять, почему мы, русскія подданныя, ѣдемъ въ Германію, а докторъ усиленно допрашивалъ насъ, въ которомъ году мы родились и не болѣли ли заразными болѣзнями. Впрочемъ, все это продолжалось недолго и при содѣйствіи нашего милѣйшаго консула Вербицкаго, заваденнаго работой въ такомъ количествѣ, что въ нормальное время таковой хватило бы съ избыткомъ на 3-хъ консуловъ, мы благополучно водворились въ свои купэ и еще черезъ полтора сутокъ томительнаго путешествія были въ Стокгольмѣ, гдѣ насъ обласкала семья нашего посланника Неклюдова. Сестра посланника Вѣра Васильевна, которую я знала раньше, дѣятельно занимается, съ начала войны, помощью плѣннымъ, и въ русскомъ Комитетѣ, куда мы успѣли заглянуть, подъ ея руководствомъ кипитъ дѣятельная работа. Впрочемъ, мнѣ лично мало пришлось посвятить всему этому времени, благодаря сильному припадку lumbago (по простонародному названію—прострѣлу), который я вызвала дорогой, сдѣлавъ неудачное движеніе при поднятіи окна въ вагонѣ. Пришлось примѣнить всевозможныя средства для скорѣйшаго излѣченія, но боль упорно продолжалась, такъ съ нею я и покинула гостепріимную Швецію, гдѣ, впрочемъ, превозмогая боль, была на приѣмѣ у принца Карла и его прелестной супруги, принцессы Ингеборгъ, рожденной датской принцессы и плѣмянницы нашей Императрицы Маріи Феодоровны. Мы выѣхали изъ Стокгольма поздно вечеромъ и утромъ были въ Мальмѣ и при благоприятной погодѣ и зеркальной поверхности моря совершили переѣздъ въ Данію.

На дебаркадерѣ насъ ожидали члены нашей миссіи въ Копенгагенѣ и, благополучно водворившись въ гостиницѣ Фѣниксѣ, находящейся недалеко отъ нашего посольства, мы точась приступили къ знакомству и дѣловымъ разговорамъ съ нашими датскими делегатами. Тутъ же былъ назначенъ часъ для засѣданія въ Красномъ Крестѣ.

Датскій Красный Крестъ съ самаго начала войны открылъ отдѣлъ военноплѣнныхъ при своемъ Управленіи. Этотъ отдѣлъ имѣетъ русское и германское подраздѣленія, предсѣдателемъ отдѣла состоитъ Г-нъ Дитмаръ, очень любезный человѣкъ и неутомимый работникъ, въ рукахъ котораго сосредоточено было все дѣло и вся переписка о нашей поѣздкѣ въ Германію. Въ русскомъ отдѣлѣ военноплѣнныхъ допущена въ качествѣ постоянной работницы жена нашего военного агента Софія Николаевна Потоцкая.

Кромѣ того въ Копенгагенѣ имѣется отдѣлъ Московскаго Комитета, видимо очень энергично работающаго для нашихъ плѣнныхъ въ Германіи. Предсѣдателемъ этого отдѣла Московскаго Комитета является консулъ Хеніусъ—датчанинъ, нѣсколько еврейскаго типа, очень состоятельный и умный человѣкъ, состояніе свое онъ составилъ главнымъ образомъ въ Россіи, къ которой проницать благодарностью. Этотъ Хеніусъ былъ въ то-же время однимъ изъ делегатовъ, долженствовавшимъ сопровождать насъ въ нашей поѣздкѣ. Остальные два делегата: капитанъ Твермоесъ и Шпетъ были типичные датчане, служившіе когда то въ русскомъ флотѣ—все три говорили по русски.

Въ засѣданіи въ Красномъ Крестѣ предсѣдатель просилъ насъ во время пребыванія въ Германіи воздержаться въ публичныхъ мѣстахъ отъ разговора на русскомъ языкѣ, а также въ нашихъ письмахъ не сообщать на родину ничего о положеніи нашихъ плѣнныхъ въ Германіи. Кромѣ того было еще разъ выражено пожеланіе не вести съ нашими плѣнными разговоровъ о послѣднихъ военныхъ извѣстіяхъ, на что мы весьма охотно согласились, такъ какъ такія передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Россіи были весьма неутѣшительны. Разговорный языкъ былъ выбранъ нѣмецкій, такъ какъ французскій былъ бы болѣе затруднителенъ для нашихъ делегатовъ.

Моя боль спины все еще не покидала меня, вслѣдствіе чего воспоминаніе о трехъ дняхъ, проведенныхъ въ Копенгагенѣ, нѣсколько туманно. Засѣданіе въ Красномъ Крестѣ, завтраки и обѣды въ нашемъ посольствѣ чередовались для меня съ лежаніемъ на грѣлкѣ и приѣмами аспирина. Предстояло вѣзжать во вражескую страну, гдѣ ждала меня интенсивная работа, а мой прострѣлъ дѣлалъ каждое лишнее движеніе настоящей мукой. Настроеніе, конечно, было самое подавленное.

30 августа утромъ, иначе говоря 12 сентября новаго стиля, мы покинули Копенгагенъ. На вокзалѣ собрались почти всѣ члены нашей миссии съ бар. Буксгевденомъ во главѣ. Явился также г. Баумъ, le grand faiseur Московскаго Комитета, съ букетами розъ для насъ, трехъ сестеръ,—еврейская фizioномія котораго выдѣлялась среди лицъ группы русскихъ людей, провожавшихъ насъ. Когда поѣздъ уже двинулся, одна невѣдомая мнѣ датчанка бросила въ окно вагона букетъ фіалокъ, который упалъ на мои колѣна—этотъ послѣдній привѣтъ я взяла съ собою, какъ талисманъ во вражескую страну.

По дорогѣ до южной границы Даніи къ намъ въ купэ заходилъ датскій принцъ, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ короля, ѣхавшій въ Италію къ своей итальянцѣ-женѣ. Онъ сказалъ намъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и поразилъ меня своимъ семейнымъ сходствомъ съ нашей великой княгиней Ольгой Александровной. Вскорѣ пересѣвъ на германскій пароходъ, мы очутились уже на территоріи воюющей съ нами державы. Погода вновь благопріятствовала намъ, и мы расположились на палубѣ. Однако группа трехъ русскихъ сестеръ милосердія возбуждала всеобщее любопытное вниманіе. Я скорѣ спустилась въ каюту, гдѣ и оставалась до момента, когда ferry boat причалилъ къ германскому берегу Варнемюнде.

На дебаркадерѣ встрѣтилъ насъ представитель Краснаго Креста Excellenz von Mohl. Онъ изысканно вѣжливо раскланился и руку каждой изъ насъ поднесъ къ своему рту, не прикасаясь однако къ ней губами. Мимо всей остальной публики мы были проведены прямо въ вагонъ 1-го класса, гдѣ намъ пришлось долго ждать отхода поѣзда, задержаннаго длинной процедурой осмотра багажа пассажировъ (мы были отъ этого избавлены).

Глядя въ окно вагона на шагавшаго взадъ и впередъ нѣмецкаго солдата, охранявшаго путь, я старалась привыкнуть къ мысли, что въ теченіе долгаго времени мнѣ ежедневно придется видѣть этихъ солдатъ, вернувшихся, быть можетъ, только что съ русскаго фронта съ ружьями, которыя послали смертельную пулю одному изъ нашихъ воиновъ—быть можетъ, моему брату. Солдатъ, шагавшій по дебаркадеру въ Варнемюнде, имѣлъ длинную бороду съ просѣдью—лицо его я хорошо запомнила и узнала, когда два мѣсяца

спусти опять пришлось проѣзжать Варнемюнде, на нашемъ обратномъ пути.

До Берлина оставалось еще нѣсколько томительныхъ часовъ. Наши делегаты и Excellenz Мольте (даже сидя въ Петроградѣ за своимъ письменнымъ столомъ не рѣшаюсь сократить чинъ этой превосходительной особы) всю дорогу старались занимать насъ, что было очень утомительно и нравственно и чисто механически, такъ какъ, несмотря на знаніе нѣмецкаго языка, мы еще не освоились съ необходимостью вести на немъ длинные разговоры.

Господинъ Мольте (типъ ремольнаго дипломата) былъ вычурно любезенъ. Онъ разсказалъ намъ, что ему приходилось бывать въ Россіи, и что дочь его замужемъ за однимъ изъ нашихъ прибалтійскихъ бароновъ, отъ которой онъ уже много мѣсяцевъ не имѣетъ извѣстій. Въ началѣ войны онъ (Мольте) состоялъ однимъ изъ международныхъ судей, командированныхъ Германіей въ Каиръ, но такъ какъ въ моментъ объявленія войны онъ находился въ отпуску, англичане не пропустили его обратно въ Каиръ, гдѣ осталась его квартира и вещи. За такой образъ дѣйствій Excellenz видимо негодуешь на Англію.

Во время обѣда въ вагонѣ-ресторанѣ, среди нарядной враждебной намъ публики (враждебной по духу, внѣшне вполне корректно къ намъ относившейся) мнѣ стало вдругъ такъ тяжело, что невольно захотѣлось пожать украдкой руку моей сосѣдки, сестры Самсоновой, состояніе которой, конечно, было еще тяжелѣе моего—я тотчасъ раскаялась, что сдѣлала это—внѣшнее самообладаніе, которымъ вооружились мы, чуть не покинуло насъ, отъ этого нѣмого рукопожатія. Слезы подступали къ горлу и, только силой воли подавивъ желаніе разрыдаться, могли мы продолжать вѣжливо-интернаціональный разговоръ съ нашими спутниками.

За этимъ обѣдомъ впервые ѣли мы пресловутый Кригсбротъ, который, впрочемъ, показался мнѣ вполне стѣбоднымъ пеклеваннымъ хлѣбомъ, отчасти похожимъ на сепикъ. Конечно, то, что получали наши плѣнные, оказалось въ послѣдствіи нѣсколько менѣе удовлетворительнымъ, но хлѣбъ, приготовляемый для населенія повсемѣстно, приблизительно того же качества, какъ подаваемый намъ въ этотъ день.

На стѣнахъ вагона-ресторана и купе замѣтила я особаго рода объявленіе съ громкимъ названіемъ Die 10 Kriegsgebote, перефра-

зирующія 10 заповѣдей Божіихъ, для утилитарныхъ земныхъ цѣлей. Въ каждой заповѣди предписывается, что долженъ ѣсть и чего не долженъ вкушать германскій подданный во время войны. На вокзалахъ проѣзжаемыхъ нами городовъ, на всѣхъ видныхъ мѣстахъ помѣщены были крупными буквами написанныя предубрежденія солдатамъ остерегаться шпионовъ и шпионокъ.

Кромѣ того мелькали всегда на проѣзжаемыхъ станціяхъ одна или двѣ сестры, скорѣе просто барышни съ повязкой Краснаго Креста на рукавѣ, одѣтыя въ довольно коротенькія платья изъ бумажной матеріи. Онѣ разносили кофе проѣзжающимъ солдатамъ. Иныхъ сестеръ милосердія на улицахъ я почти не видала, могла бы по пальцамъ перечесть тѣхъ немногихъ сестеръ, которыхъ я встрѣтила за все время своихъ разъѣздовъ по Германіи.

Въ Берлинъ мы пріѣхали поздно вечеромъ и въ 2-хъ автомобиляхъ, которые были заранѣе заказаны, такъ какъ ихъ очень трудно вообще доставать, проѣхали прямо въ Hotel Adlon на Parisier Platz.

Господинъ Мольтке, ѣхавшій съ нами, какъ бы случайно замѣтилъ, показывая намъ, проѣзжаемые мимо зданія: „Вотъ, это русское посольство, а это французское“, вѣроятно желая подчеркнуть, что въ „культурной“ Германіи зданія посольствъ воюющихъ съ ними державъ, цѣлы.

Въ гостиницѣ встрѣтилъ насъ представитель военнаго министерства Hauptmann Voeligt и тутъ же сообщилъ, что на другой день, мы будемъ приняты въ Потсдамѣ. Съ этой неожиданной перспективой, намъ наконецъ удалось остаться однимъ въ своихъ комнатахъ и стараться воспользоваться краткимъ физическимъ отдыхомъ до утра.

Поездка въ Потсдамъ заняла добрую половину слѣдующаго дня. Господинъ Мольтке опять сопровождалъ насъ, а на станціи не доѣзжая до Потсдама въ наше купе сѣла еще какая-то превосходительная особа, кажется гофмейстеръ, который несмотря на изысканную вѣжливость, смотрѣлъ на насъ съ явнымъ недоброжелательствомъ.

Аудіенція къ счастью была весьма коротка. Императрица Августа, вошла въ комнату, гдѣ кромѣ насъ находились двѣ вышеупомянутые Excellenz'ы и фрейлина, встрѣтившая насъ во дворцѣ. Узнавъ, что мы говоримъ по-нѣмецки, Императрица сказала намъ

нѣсколько словъ привѣтствія на этомъ языкѣ, пожелала намъ остаться удовлетворенными посѣщеніемъ нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и, подавъ каждой изъ насъ руку (надъ которой мы поклонились, не поцѣловавъ ее, конечно), выразила надежду, что германскія сестры будутъ приняты русской Императрицей.

Привожу подробно этотъ фактъ нашего представленія германской Императрицѣ, потому что, вернувшись въ Россію, мы съ удивленіемъ узнали, что онъ былъ толкуемъ вкривь и вкосъ газетами и даже чуть ли не Государственной Думой. Для меня онъ показался очень малозначительнымъ и могъ бы быть комментируемъ лишь съ точки зрѣнія лишняго доказательства, что Германія желала воздѣйствовать на русскихъ сестеръ и особенно делегатовъ нейтральной державы, сопровождавшихъ ихъ, своей внѣшней любезностью. Безполезно было бы добавлять, что отказъ съ нашей стороны явиться на это представленіе былъ бы въ высшей степени неумѣстенъ и даже совершенно невозможенъ, если мы желали быть полезными нашимъ плѣннымъ въ Германіи.

Самымъ томительнымъ моментомъ этой поѣздки въ Потсдамъ было катанье по парку и осмотръ замка Санъ-Суси.

На наши мольбы ѣхать прямо на вокзалъ намъ любезно отвѣчали, что до отхода поѣзда еще много времени, и неумолимые придворные кучера, въ чаяніи хорошаго на-чая, везли насъ все дальше по красивымъ аллеямъ парка. Думаю, что нѣмцы едва-ли понимали, какую утонченную муку они придумали для насъ! Наконецъ, заставивъ насъ насладиться вполне красивымъ видомъ съ террасы Санъ-Суси и продемонстрировавъ намъ историческіе портреты этого замка и плафроны Фридриха Великаго, насъ доставили въ Берлинъ, гдѣ мы черезъ посредство нашихъ делегатовъ просили передать нѣмцамъ нашу просьбу впредь избавить насъ отъ осмотра германскихъ достопримѣчательностей.

Вечеръ этого дня и послѣдующій день прошли въ дѣловыхъ разговорахъ и засѣданіяхъ въ Красномъ Крестѣ и Военномъ Министерствѣ, гдѣ намъ были вручены литографированные экземпляры количества и распредѣленія плѣнныхъ по лагерямъ. Такой перечень выпускается 10-го числа каждаго мѣсяца съ точнымъ обозначеніемъ, въ какомъ лагерѣ сколько нижнихъ чиновъ или офицеровъ и къ какой національности они принадлежатъ. Кромѣ того,

былъ выработанъ проектъ раздѣленія на три части округовъ нашего объѣзда мѣстъ водворенія нашихъ военнопленныхъ.

На мою долю выпало объѣхать болѣе сѣверную часть Германіи и Вюртембергъ. Мы, сестры, подѣлили также и трехъ датскихъ делегатовъ между собой: моимъ спутникомъ оказался капитанъ Твермоесъ—очень симпатичный человѣкъ, о которомъ я вспоминаю съ глубокой благодарностью.

Хочу сказать нѣсколько словъ о нашихъ делегатахъ вообще. Мы, русскія женщины, ѣхавшія на это трудное дѣло съ большимъ подъемомъ и радостью принести хоть маленькое утѣшеніе нашимъ воинамъ, томящимся въ плѣну, боюсь, не всегда отдавали себѣ отчетъ или часто забывали, какую большую жертву приносили для нашихъ соотечественниковъ эти датчане, изъ чистаго альтруизма бросившіе свои мирные семейные очаги, чтобы скакать съ утра до ночи, во всякую погоду, при невѣдомыхъ условіяхъ, по странѣ, находящейся въ войнѣ съ окружающими народами, съ единственной цѣлью принести нѣкоторое облегченіе чужимъ для нихъ пленнымъ! Какъ серьезно всѣ они смотрѣли на это путешествіе, доказываетъ то обстоятельство, что передъ отъѣздомъ они застраховали свои жизни и сдѣлали себѣ антитифозныя и холерныя прививки.

Въ Берлинѣ нами было подробно осмотрѣно Освѣдомительное Бюро Военнопленныхъ, находящееся не при Красномъ Крестѣ, а при Военномъ Министерствѣ, гдѣ графомъ Швериномъ изобрѣтена весьма удобная картотека. Главное же преимущество этого Бюро передъ осмотрѣннымъ нами въ Петроградѣ состоитъ въ той тѣсной связи, въ которой оно находится съ администраціей лагерей, три раза въ мѣсяцъ сообщающей о всѣхъ перемѣщеніяхъ, происходящихъ въ составѣ пленныхъ, благодаря чему Бюро можетъ давать быстрыя и точныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи того или другого пленнаго. Однако съ радостью могла убѣдиться, что погрѣшности случаются и въ германской, съ виду неуязвимой, организации,—такъ для провѣрки скорости получаемого отвѣта я дала имя моего родственника, находившагося съ января въ плѣну въ лагерѣ Стральзундъ-Денгольмъ, о чемъ всѣ родные были давно извѣщены черезъ его письма, и получила весьма быстро отвѣтъ, что такого въ плѣну не имѣется.

Также пріятно было мнѣ констатировать въ послѣдствіи, при объѣздѣ лагерей, что обязательное будто бы постановленіе, обязывающее каждаго плѣннаго извѣщать на родину о своемъ мѣстонахожденіи по прибытіи въ плѣнъ, вовсе не соблюдается, а почтовые карточки для этой цѣли также не выдаются даромъ, какъ утверждали въ Освѣдомительномъ Бюро, а продаются по 2 пфенн.

Далѣе намъ демонстрировали пробную кухню, того, что будто бы ѣдятъ военноплѣнные, устроенную при Военномъ Министерствѣ, гдѣ по рецептамъ профессора Бакхаузена примѣняется система питанія человѣческаго организма научно-выработаннымъ процентомъ калорий. Всѣ служащіе этого отдѣла министерства завтракаютъ ежедневно продуктами этого научнаго измышленія.

Къ одному изъ этихъ завтраковъ были приглашены и мы и ѣли вкусную похлебку, яблочный компотъ и пили прекрасный кофе, причемъ сестра Оржевская полшутя сказала профессору, что если при посѣщеніи лагерей мы найдемъ иную пищу, то привлечемъ его къ отвѣту, что въ послѣдствіи и было сдѣлано на засѣданіи въ Военномъ Министерствѣ.

Въ промежуткѣ между этими засѣданіями и осмотрами мы обѣдали въ датскомъ посольствѣ, гдѣ въ высшей степени любезный и очаровательный посланникъ графъ Мольтке любезно принималъ насъ, и вообще онъ и его жена во все время нашего пребыванія въ Германіи оказывали намъ всякое содѣйствіе, досылали намъ по мѣсту назначенія нашу корреспонденцію и во всѣхъ смыслахъ были предупредительны.

Кромѣ того, мы, конечно, побывали и въ Испанскомъ посольствѣ и познакомились съ г-мъ Дельгадо, съ которымъ и въ послѣдствіи приходилось неоднократно бесѣдовать, о чемъ разскажу своевременно.

Въ этотъ вечеръ пріѣхалъ также въ Берлинъ американецъ Мистеръ Гартъ (Harte), о которомъ я слышала еще въ Петроградѣ и читала его отчеты по его поѣздѣ въ Сибирь. Отчеты эти мнѣ не понравились и, каюсь, вызвали во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе въ его чистосердечности. Разворачивая любой отчетъ, мы привыкли встрѣчать довольно сухіе цифровыя и статистическія данныя, вмѣсто которыхъ М-ръ Гартъ уклонился въ лирическія описанія сѣверной природы и щебетанья птицъ, вслѣдствіе чего трудно было съ должной серьезностью отнестись къ похваламъ, расточаемымъ